

Волкова Яна Александровна

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ ПОВЕДЕНИЕ КОММУНИКАНТОВ В ДЕСТРУКТИВНОМ ОБЩЕНИИ

В статье анализируются пространственные компоненты деструктивного общения. Прослеживается непосредственная связь концептуализации эмоциональных состояний, стимулирующих и поддерживающих деструктивное общение, с пространственным поведением коммуникантов. Делается вывод о том, что представления о пространственном поведении человека, испытывающего враждебные эмоции, являются частью концептуальной картины данных эмоций и основаны на концептуализации эмоций как физиологических процессов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/8-1/10.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 8 (26): в 2-х ч. Ч. I. С. 46-50. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

содействуют осознанию детьми развития своих способностей и умений общаться в процессе взаимодействия и сотрудничества с учителями и сверстниками, способствуют активизации их речи на родном языке, а также повышению качества языкового образования в целом и развитию продуктивного двуязычия.

Список литературы

1. **Выготский Л. С.** Мышление и речь. М.: Хранитель, 2008. 668 с.
2. **Выготский Л. С.** Собр. соч. М.: Просвещение, 1983. 432 с.
3. **Как проектировать универсальные учебные действия в начальной школе. От действия к мысли:** пособие для учителя / под ред. А. Г. Асмолова. М.: Просвещение, 2008. 151 с.
4. **Ожегов С. И.** Словарь русского языка: ок. 57 000 слов / под ред. докт. филол. наук, проф. Н. Ю. Шведовой. 16-е изд., испр. М.: 1984. 797 с.
5. **Пиз А.** Язык жестов. Минск: Парадокс, 1995. 416 с.
6. **Полонский В. М.** Словарь по образованию и педагогике. М.: Высшая школа, 2004. 512 с.
7. **Примерная основная общеобразовательная программа образовательного учреждения. Начальная школа /** сост. Е. С. Савинов. Изд-е 4-е, перераб. М.: Просвещение, 2012. 223 с.
8. **Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования /** Минобрнауки РФ. М.: Просвещение, 2011. 48 с.
9. **Философский энциклопедический словарь /** гл. ред. Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. М.: Сов. энциклопедия, 1983. 840 с.
10. **Щерба Л. В.** Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. 424 с.

**PEDAGOGICAL CONDITIONS OF BILINGUAL STUDENTS'
COMMUNICATIVE COMPETENCE FORMATION IN NATIVE LANGUAGE**

**Vasil'eva Nadezhda Nikolaevna
Savvinova Anna Dmitrievna**

*Research Institute of National Schools of Sakha Republic (Yakutiya)
anna.savvinova.88@mail.ru*

The authors consider the questions of students' language education under conditions of bilingualism by the example of the Republic of Sakha (Yakutiya), present the complex of pedagogical conditions contributing to the formation of communicative competence in the native language of bilingual children, give the detailed description of learning and teaching, material and technical, information and learning and didactic conditions, and present the course –“Culture of communication” for the students of the first grade.

Key words and phrases: bilingual education; native language; communicative competence; pedagogical conditions.

УДК 81'221

Филологические науки

В статье анализируются пространственные компоненты деструктивного общения. Прослеживается непосредственная связь концептуализации эмоциональных состояний, стимулирующих и поддерживающих деструктивное общение, с пространственным поведением коммуникантов. Делается вывод о том, что представления о пространственном поведении человека, испытывающего враждебные эмоции, являются частью концептуальной картины данных эмоций и основаны на концептуализации эмоций как физиологических процессов.

Ключевые слова и фразы: деструктивное общение; проксемика; коммуникативное пространство; пространственное поведение; коммуникативная дистанция; концептуализация эмоций.

Волкова Яна Александровна, канд. филол. н.

*Волгоградский государственный социально-педагогический университет
yana.a.volkova@gmail.com*

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ ПОВЕДЕНИЕ КОММУНИКАНТОВ В ДЕСТРУКТИВНОМ ОБЩЕНИИ ©

Пространственное поведение человека попало в фокус исследований коммуникации благодаря трудам выдающегося американского антрополога Эдварда Холла, который ввел в науку термин «проксемика» и определил предмет и задачи новой отрасли знаний. Под проксемикой понимается наука о коммуникативном пространстве, о том, «как человек мыслит коммуникативное пространство, как его обживает и использует» [6, с. 457]. Исследования Э. Холла в области пространственных взаимоотношений коммуникантов

привели к осознанию скрытых мотивов общения и позволили вывести основные положения проксемики, которые в самых общих чертах можно свести к следующим: 1) существуют правила пространственного поведения, которые подразделяются на универсальные и культурно-специфичные, основой которых являются не только собственно пространственные, но и личностные, социальные, культурные, языковые и другие параметры; 2) важнейшим пространственным параметром является расстояние, которое бывает двух типов – физическое, включающее четыре вида коммуникативных дистанций [18, р. 117-127], и психологическое [6, с. 468-478].

Среди коммуникативных дистанций для межличностного общения особенно важны следующие три типа: интимная дистанция (минимальное расстояние – до 6 дюймов, максимальное – 6-18 дюймов); персональная (личная) (минимум – 1,5-2,5 фута, максимум – 2,5-4 фута); социальная (минимум – 3-7 футов, максимум – 7-12 футов). Интимная зона представляет наибольшую значимость, так как именно она максимально охраняется человеком. В минимальный радиус интимной зоны можно проникнуть только путем физического контакта; вообще же, эта дистанция используется для контактов только с самыми близкими людьми. Личная дистанция – это расстояние, которое обычно разделяет нас при общении с друзьями. Социальная дистанция – расстояние между малознакомыми людьми, а также между знакомыми в формальной обстановке [18, р. 117-127]. Под территорией Э. Холл понимал пространство, контролируемое индивидом, семьей или другим коллективом, находящееся в его физическом владении и под его защитой. Личная территория имеется у каждого человека: это может быть его дом, комната, место в комнате, но в первую очередь это четко обозначенное воздушное пространство вокруг тела. Доказано, что физическое тело большинства животных, человека в том числе, окружено определенной пространственной зоной, которую он считает своей личной территорией [10, с. 34]. Национально-культурная специфика пространственного поведения проявляется, прежде всего, именно в этих дистанциях. Известный тезис Э. Холла – «люди из разных стран не только говорят на разных языках, но и наследуют различные сенсорные миры» [18, р. 2] – дал толчок многочисленным исследованиям в области культурных различий в пространственном поведении людей и концептуализации пространства в целом [2; 6; 10; 17; 19; 20]. Например, было установлено, что у многих европейских и азиатских наций интимная зона составляет 23-25 см и меньше, в то время как у американцев – около 45 см. Пространственные зоны различаются также и у жителей городской и сельской местности, и не только количественно, но и качественно [6, с. 468; 10, с. 42-44].

В деструктивном общении пространственное поведение коммуникантов играет особую роль, с ним связана концептуализация эмоциональных состояний, стимулирующих и поддерживающих деструктивную коммуникацию. Речь идет, в первую очередь, о «кластере гнева», куда входят раздражение, гнев, злость/злоба, ярость, бешенство, ненависть, а также о таких враждебных эмоциях, как презрение и отвращение. Вышеупомянутые исследования зонирования пространства представляют интерес для нашей работы, в первую очередь, потому, что многие ситуации деструктивного общения напрямую связаны с вторжением в личную или даже интимную зону человека. Личная дистанция представляет собой «защитную область одного человека от другого», «пространство, удобно отделяющее людей» [6, с. 468]. Что касается интимной дистанции, то это расстояние полной человеческой близости, характерное, прежде всего, для интимного романтического общения [11, с. 226-233]. К сожалению, на сегодняшний день проведено не так много исследований по выяснению связи между личной территорией, нарушением ее границ и деструктивным поведением. С одной стороны, любой акт прямой физической агрессии есть *a priori* вторжение в личную/интимную зону человека, что отражено в семантике пространственных языковых единиц, в исходных значениях, обозначающих вторжение в пространство, а затем и физическую агрессию: *нападать, накидываться, набрасываться, налетать, напуститься на кого-либо*.

С другой стороны, было установлено, что даже неосознанное вторжение постороннего человека в интимную зону или на личную территорию другого человека вызывает в организме последнего физиологические симптомы агрессии: «Сердце начинает биться быстрее, происходит выброс адреналина в кровь, и она приливает к мозгу и мышцам как сигнал физической готовности нашего организма к бою, то есть состояние боевой готовности» [10, с. 36-37]. Подобные реакции можно наблюдать в ситуациях большой скученности людей (в переполненном транспорте, на концерте, стадионе, в очереди и т.д.). Поэтому совершенно непреднамеренные столкновения в подобных ситуациях вызывают перепалки и ссоры, некоторые из которых заканчиваются дракой. Хотя, по замечанию проф. В. И. Шаховского, у русских проксемики нет как таковой, потому что нет понятия о том, что такое личное, а что неличное, многие люди признаются в трудности сдерживать себя в ситуациях «вторжения» в их личное пространство.

Я вот тоже просто не переносю, когда ко мне не то что даже прикасаются, а просто незнакомые чужие люди входят в мое персональное пространство (радиус сантиметров 50). Конечно, по обстоятельствам... недавно на автобусе как-то общественным транспортом проехала... боролась всю дорогу с раздражением [8].

В транспорте постоянно чувствую раздражение, по мере возможности стараюсь встать или сесть так, чтобы никого не касаться. Когда кто-то пытается дотронуться, взять за руку и т.п. – сильно напрягаюсь [Там же].

А вот, если ко мне кто-то прикасается, ну какой-то незнакомый или малознакомый человек или коллега, с которой я не состою в тесном контакте, то у меня моментально возникает чувство, что они хотят как-то управлять мною что ли, и поэтому я на это агрессивно реагирую (не дерусь, конечно), но сдерживаю себя, чтобы что-то нехорошее не сказать [Там же].

В приведенных примерах вербального описания пространственных ощущений авторы говорят об испытываемом ими раздражении при нарушении их личного пространства, а раздражение представляет собой один из мощных стимулов деструктивной коммуникации.

Американский психолог Чарльз Мюллер предположил, что прямую зависимость между нарушением личного пространства и агрессивным поведением все же установить нельзя. Нарушение границ личного пространства, по Ч. Мюллеру, может привести к агрессивным действиям главным образом по двум причинам. Во-первых, появляющееся при этом возбуждение способствует осуществлению индивидом некой доминанты поведения, и если такой доминантой является враждебность, то можно предположить возможность эмоциональной разрядки именно в форме агрессивной реакции. Во-вторых, подобное поведение может быть проявлением инструментальной агрессии. Это, по мнению Мюллера, происходит в том случае, если человек не сможет достичь эмоциональной разрядки никакими другими действиями. Так, если при нарушении личного пространства возможность бегства полностью исключается, то индивид может прибегнуть к прямой агрессии [цит. по: 12]. Очевидно, что подобные ситуации вовсе не обязательно завершаются физической или вербальной атакой со стороны «пострадавшего», что является наиболее радикальным из возможных реакций. Но встречаются индивиды, у которых уровень «свободно плавающего гнева» чрезвычайно высок, и любое немотивированное вторжение в личное пространство может привести к жесткой деструктивной реакции.

Исследования пространственного коммуникативного поведения проводятся не только на материале реальной коммуникации. Известно, что пространство занимает особое место в работах художников, однако Э. Холлом было подмечено, что писатели также обращают внимание на пространство в своих произведениях, и их успех/неуспех в общении с читателями во многом зависит от использования пространственных описаний для передачи степени близости персонажей [18, р. 94]. Именно Э. Холл впервые использовал художественные тексты в качестве достоверного источника информации о пространственном поведении людей. В процессе работы было отобрано 350 примеров художественного описания пространственного поведения персонажей в ситуациях, относимых нами к ситуациям деструктивного общения. В 65% случаев ситуация «запускалась» эмоциями кластера гнева, около 35% пришлось на долю других негативных эмоций, включая презрение (21%), отвращение (9%), другие эмоции и эмоционально-когнитивные комплексы (зависть, ревность) (5%). Было отмечено, что в большинстве примеров в ситуациях, стимулируемых эмоциями группы гнева, описывается сокращение дистанции между партнерами по общению, что отражает концептуализацию эмоций данной группы как физиологического процесса. Физиология гнева предусматривает движение (как произвольное, так и непроизвольное) в сторону обидчика, что выражено пространственными глаголами «кинуться на», «пойти на», «броситься на», «наброситься» и некоторыми другими. В подобных ситуациях агрессивное состояние персонажа переходит в деструктивное действие.

С воплем ярости Алексей кинулся на него и со всего размаха ударился о твердую поверхность [16].

– Голубинский, негодяй, и ты с ними! – сказал Ягудин, поднял палку и пошёл на него [13].

Со стороны партнера по общению поведение агрессора вызывает испуг, страх, что проявляется в непроизвольной реакции ухода от удара (в том числе и воображаемого), что подразумевает инстинктивное увеличение физического расстояния между коммуникантами.

Он поднял на меня свои бежевые глаза, и вдруг на мгновение в них сверкнула такая неистовая ненависть, что я отшатнулась [4].

Акула развернулся в нашу сторону так яростно, что я отшатнулась [9].

Однако во многих случаях коммуникант сдерживает свою агрессию и не хочет, чтобы адресат видел проявление этой эмоции на его лице, и, несмотря на испытываемые эмоции гнева, злости и т.д., сознательно увеличивает физическую дистанцию между собой и партнером по общению.

– Помогай своим русским, – пробормотал он сильным от злости голосом и отвернулся [3].

Увеличение физической дистанции является главной пространственной характеристикой эмоций презрения и отвращения, также относящихся к эмоциям-стимулам деструктивного поведения. Обе эмоции подразумевают некое отдаление, создание расстояния между субъектом и объектом эмоции [5, с. 299]. При этом в случае презрения дистанцирование базируется на ощущении субъектом собственного превосходства, восприятии объекта презрения как недочеловека; в случае отвращения желание отстраниться от объекта связано с физиологическим ощущением плохого вкуса, тошноты.

Руслан отвернулся с презрением и побрел своим путем [1].

Но вот он взглянул на черное лицо своего зятя и отшатнулся с отвращением [7].

Движение назад, увеличивающее физическую дистанцию в состоянии испуга, отвращения, презрения, выражается проксемными глаголами «отшатнуться», «отпрянуть», «отвернуться» (подробный разбор данных жестовых движений см. в работе Г. Е. Крейдлина [6, с. 327-332]). Интересно, что в случаях, когда эмоциональным компонентом презрения выступают такие эмоции, как раздражение, злость, гнев, негодование, ярость, презрение «перевешивает» в пространственном отношении, т. е. происходит дистанцирование от объекта эмоции, а не сближение с ним, как было бы в ситуациях с «чистым» гневом.

– Солженицын удостоился того, к чему столь усердно стремился, – участи предателя, от которого не может не отвернуться с гневом и презрением каждый советский труженик, каждый честный человек на земле, – возразил Бёлло Председателю И. Соловьев [14].

Материал показывает, что в художественных текстах реализуется в основном имплицитное описание проксемических компонентов общения посредством описания, как правило, жестовых движений. Малое

количество эксплицитных описаний проксемических компонентов связано, на наш взгляд, с тем, что концептуализация пространства является частью концептуальной картины рассматриваемых нами эмоциональных состояний, она заложена в их физиологических проявлениях. Представителю русской лингвокультуры очевидно, что в злобе, ярости, бешенстве расстояние между коммуникантами будет инстинктивно сокращаться, т.к. есть вероятность агрессивного контактного взаимодействия, в ситуациях же презрения и отворачивания дистанция между партнерами будет увеличиваться. Описание пространственного поведения в тексте коррелирует с описанием различных невербальных компонентов общения – жестовых, пантомимических, окулесических, гаптических и др. В деструктивном общении экспрессивность невербального коммуникативного поведения, как правило, достаточно высока, что выражается в широком применении вышеуказанных невербальных знаков. Приведем пример:

Я слез с калорифера и, зажавши мундштук в углу рта, чувствуя, как немеют у меня от злобы челюсти, пошел спускаться ему навстречу и вдруг поймал себя на том, что на ходу судорожно похлопываю раскрытой ладонью по перилам. <...> – Ты зачем сюда приперся, скотина? – произнес я перехваченным голосом, надвигаясь на него. <...> Сука ты, дрянь поганая, – произнес я, с наслаждением беря его за манишку [15, с. 353-354].

В данном примере сокращение дистанции само по себе выступает как знак нарастания агрессивного состояния героя, которое отражено с помощью описания жестовых компонентов «судорожно похлопываю раскрытой ладонью по перилам», «с наслаждением беря его за манишку», мимического компонента «немеют от злобы челюсти», паралингвистического компонента «произнес я перехваченным голосом».

Подведем итог. Практический материал исследования показывает, что в описании пространственных компонентов деструктивного общения преобладающими являются глагольные словосочетания (на)броситься на кого-либо, (на)кинуться на кого-либо, налетать на кого-либо, напустить на кого-либо, надвигаться на кого-либо, пойти на кого-либо, отшатнуться, отпрянуть, отвернуться, отодвинуться, указывающие на сокращение или увеличение коммуникативной дистанции. Как сокращение, так и увеличение коммуникативной дистанции практически всегда сопровождаются описанием других невербальных компонентов, в первую очередь мимических, окулесических, жестовых и пантомимических. Представления о пространственном поведении человека, испытывающего враждебные эмоции, являются частью концептуальной картины данных эмоций и основываются на концептуализации эмоций как физиологических процессов. Информация о пространственном поведении персонажей в художественном тексте предоставляется в основном имплицитно, за исключением тех случаев, когда за счет эксплицитного описания проксеми реализуются конкретные художественные задачи.

Список литературы

1. **Владимов Г.** Верный Руслан [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка (НКРЯ). URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 20.05.2013).
2. **Гардези А. М.** Метафорическая номинация как механизм формирования образного компонента концепта «пространство» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 3. Ч. 2. С. 58-61.
3. **Герасимов А.** Степные боги [Электронный ресурс] // НКРЯ. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 20.05.2013).
4. **Грекова И.** В вагоне [Электронный ресурс] // НКРЯ. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 20.05.2013).
5. **Изард К.** Эмоции человека. М.: Изд-во МГУ, 1980. 440 с.
6. **Крейдлин Г. Е.** Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 584 с.
7. **Морозов М.** Шекспир на советской сцене [Электронный ресурс] // НКРЯ. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 20.05.2013).
8. **Нарушение личного физического пространства** [Электронный ресурс]: форум. URL: <http://forum.ngs.ru/board/psi/flat/1877227965/?fpart=all> (дата обращения: 15.03.2013).
9. **Петросян М.** Дом, в котором... [Электронный ресурс] // НКРЯ. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 20.05.2013).
10. **Пиз А.** Язык телодвижений. Нижний Новгород: Ай Кью, 1992. 262 с.
11. **Ренц Т. Г.** Романтическое общение в коммуникативно-семиотическом аспекте: монография. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2011. 392 с.
12. **Румянцева Т. Г.** Агрессия: проблемы и поиски в западной философии и науке [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aquarun.ru/psih/agr/agr3.html> (дата обращения: 25.04.2013).
13. **Рыбаков А.** Тяжелый песок [Электронный ресурс] // НКРЯ. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 20.05.2013).
14. **Сидур В.** Памятник современному состоянию [Электронный ресурс] // НКРЯ. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 20.05.2013).
15. **Стругацкий А., Стругацкий Б.** Хромая судьба: роман; Отягощенные злом, или Сорок лет спустя: роман. М.: Текст; ЭКСМО, 1997. 479 с.
16. **Чаянов А. В.** Венецианское зеркало, или Диковинные похождения стеклянного человека [Электронный ресурс] // НКРЯ. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 20.05.2013).
17. **Critchley M.** Silent Language. London: Butterworths, 1975. 231 p.
18. **Hall E. T.** The Hidden Dimension. N.Y.: Anchor Books, 1969. 217 p.
19. **Key M. R.** A Half-Century of Paralanguage // Semiotica 107. 1995. P. 377-394.
20. **Morris D.** Manwatching: a Field Guide to Human Behavior. N.Y.: Harry N. Abrams, Inc., 1977. 320 p.

SPATIAL BEHAVIOUR OF COMMUNICANTS IN DESTRUCTIVE COMMUNICATION

Volkova Yana Aleksandrovna, Ph. D. in Philology
 Volgograd State Social-Pedagogical University
 yana.a.volkova@gmail.com

The author analyzes the spatial components of destructive communication, traces the direct connection between emotional states conceptualization, stimulating and supporting destructive communication, and the spatial behaviour of communicants, and comes to the conclusion that the ideas about the spatial behaviour of the person experiencing hostile emotions are part of the conceptual picture of these emotions and based on emotions conceptualization as physiological processes.

Key words and phrases: destructive communication; proxemics; communicative space; spatial behaviour; communicative distance; emotions conceptualization.

УДК 8

Филологические науки

В статье ставится проблема влияния прозы писателей-модернистов и теории формализма на «новую прозу» Варлама Шаламова. Анализируя художественные принципы писателя, автор приходит к выводу о том, что разногласия в области художественного творчества играли существенную роль в изменении взаимоотношений Варлама Шаламова и писателей его круга, в том числе с Надеждой Мандельштам и Георгием Демидовым.

Ключевые слова и фразы: история литературы XX века; поэтика; модернизм; формализм; Варлам Шаламов; ОПОЯЗ; «Новый Леф».

Гаврилова Анна Петровна

Российский университет дружбы народов
 a.p.gavrilova@gmail.com

**«КАК ТОЛЬКО Я СЛЫШУ СЛОВО –ДОБРО» — Я БЕРУ ШАПКУ И УХОЖУ...». КОНФЛИКТ
 ВАРЛАМА ШАЛАМОВА С СОВРЕМЕННОКАМИ В ОБЛАСТИ ТЕОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ®**

Считается, что Варлам Шаламов был замкнут, непримирим, чуждался общества¹. Этим принято объяснять и его разрывы с писателями общей с ним лагерной судьбы. Но такое объяснение вовсе игнорирует противоречие в художественных принципах писателей. Именно разногласия относительно писательских задач привели к разрыву Варлама Шаламова с близким ему писателем-лагерником Георгием Демидовым.

Чтобы проследить, откуда берут начало художественные принципы В. Шаламова, необходимо вернуться в эпоху модернизма. Несмотря на утверждение В. Шаламова, что он «пишет стихи с детства», свою литературную биографию он отсчитывает с 1928 года, с посещения литературных кружков «Нового Лефа»². К этому времени он уже четыре года живёт в Москве, два года как учится в МГУ. Целые месяцы он проводит в библиотеке, где на его столе растут горы книг и журналов³. Солидную часть их составляют поэтические сборники, в первую очередь — футуристы.

ОПОЯЗовские статьи он учил наизусть — так был увлечён трудами формалистов. Работа в библиотеке не прошла бесследно и нашла своё развитие в поэтике писателя, отражение которой можно увидеть в рассказах 50-х годов. В 1969 году в эссе «Кое-что о моих стихах» он называет «все работы ОПОЯЗа основополагающими» [12, с. 98]. «Новая проза» стала развитием теории формализма и модернистской традиции.

Проблемы, которые перед собой ставили писатели-модернисты в 1920-е, — вот отправная точка для поисков «новой прозы» В. Шаламова. В связи с логикой мандельштамовского «Конца романа» В. Шаламов искал выхода из создавшегося положения в литературе — от романа, от Л. Толстого, от описательности, учительской роли литературы к документу, факту, за литературу⁴. Необходимо отметить, что В. Шаламов всю жизнь подчёркивал свою связь не только с пушкинской, но и с модернистской традицией⁵ (прозой

® Гаврилова А. П., 2013

¹ См. воспоминания С. Неклюдова [5], И. Исаева [3], А. Солженицына [6], О. Волкова [1]. Подробно эта проблема рассмотрена в статье С. М. Соловьёва «Неизбежность одиночества. Варлам Шаламов и идеологическая традиция» [7].

² «Свою литературную биографию я числю с лефовских кружков 1928 года» [11, с. 145].

³ «Тогда были блаженные времена румянцевского музея, только что ставшего Ленинской библиотекой и не построившего еще нового своего, серого здания. Дом Пащикова — там я встретился впервые с футуризмом» [13, с. 177].

⁴ «Если вспомнить полемику тех лет, то одной из постоянных мишеней ЛЕФа был Лев Толстой. Лефовцы пытались дискредитировать как саму идею будущего «жрасного Толстого», который грядет, дабы единолично осмыслить революцию и новый мир и отменить все прочие, лишние, случайные голоса, так и формирующийся культ «зеркала русской революции»» [4, с. 181].

⁵ Ошибочно было бы считать, что В. Шаламов ею и ограничивался. В зрелые годы он отмечает, что ему близки Пушкин [9], Лермонтов [12, с. 131-141], Гоголь [13, с. 579], Чехов [13, с. 378], Ремизов (называет своим учителем) [12, с. 322], Белый (называет своим учителем) [Там же], Бунин и др. [Там же, с. 114]. И, напротив, противопоставляет свои художественные принципы Толстому [13, с. 278], Солженицыну [11, с. 372-377] и др.